

Иван Данилович Мансветов

АРХЕОЛОГ, ЛИТУРГИСТ, ПРОФЕССОР МОСКОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

30 октября 2025 года в стенах Московской духовной академии прошли Первые Мансветовские чтения по литургике и гимнографии, приуроченные к 140-летию со дня кончины профессора МДА Ивана Даниловича Мансветова, выдающегося русского исследователя православного богослужения. Он не только внес значительный вклад в становление русской литургики, но и занимался разработкой проекта церковно-археологических музеев при духовных учебных заведениях. В своей преподавательской деятельности профессор Мансветов уделял особое внимание изучению истории церковного искусства в неразрывной связи с литургической жизнью Церкви.

Солью мира называет Господь в Евангелии своих учеников — апостолов, этой же солью становятся все «делатели на ниве Господней», в том числе и в сфере духовного просвещения. Минувший 2025 год стал юбилейным для одного из академических профессоров, Ивана Даниловича Мансветова (8 января н. ст. / 26 декабря 1843 — 29 декабря н. ст. / 16 декабря 1885), имя которого не столь широко известно даже среди питомцев самой Московской духовной академии. Он прожил на земле всего 41 год, но сделал достаточно, чтобы его труды остались в памяти благодарных потомков.

Детство Иван Данилович провел в стенах Новодевичьего монастыря города Москвы, где его отец протоиерей Даниил Мансветов служил священником. Выпускник Вифанской духовной семинарии и Московской духовной академии, он был воспитан под покровом преподобного Сергия, где впоследствии предстояло служить в профессорском звании его сыну. Москва с ее святынями была колыбелью будущего ученого, здесь 12 января 1844 года (30 декабря 1843 г. ст. ст.) в храме святителя Николая в Голутвии младенец Иван был крещен священником Александром Виноградовым, а восприемниками стали московский купец Сергей Петрович Комаров и Анастасия Николаевна Руднева, жена московского купца Михаила Михайловича Руднева. Интересно, что в тот же день в Москве произошло знаменательное событие — освящение помещения Московского училища живописи и ваяния. В этом «совпадении», как и в том, что с 1844 года в Московской духовной академии стала изучаться церковная археология, усматривается промыслительность дальнейшего жизненного пути первого историка церковного искусства в Московской духовной академии.

Будучи по своему происхождению представителем духовного сословия, Иван Данилович прошел все ступени церковного образования. Начальное он получил в стенах Донского монастыря, где обучался с 1858 по 1862 год во время настоятельства архимандрита Иакова (Кроткова, † 1885). Тот в 1863 году по благословению святителя Филарета (Дроздова, † 1867), митрополита Московского и Коломенского, стал основателем Общества любителей духовного просвещения, членом которого впоследствии будет и Иван Данилович. Основной задачей этого общества было противодействие хлынувшим с Запада в Россию антихристианским идеям и богооборным доктринаам, которые выдавались за последнее слово науки и увлекали многих своим псевдонаучным упрощенческим решением сложных мировоззренческих вопросов.

В 1862 году для продолжения духовного образования Иван Данилович поступил в Московскую духовную семинарию, где ректором с 1861 по 1866 год состоял архимандрит Игнатий (Рождественский, † 1883) — племянник святителя Филарета. Иван Данилович окончил обучение в 1864 году по 1-му разряду. Ректор семинарии так высоко ценил успехи Мансветова, что говорил: «Непосредственно после Мансветова в списках никого нельзя писать, нужно было бы оставлять между ним и следующими по списку воспитанниками, на большом расстоянии, пустое пространство...»¹

В конце 1860-х годов выпускники семинарий получили возможность поступать в светские высшие учебные заведения, и многие воспользовались этой возможностью, однако Иван Данилович, вопреки модному веянию, избрал духовную стезю. В Московской духовной

*Иван Данилович
Мансветов.
Фото 1860-х гг.
(слева)*

Мансеветовские
чтения в МДА.
30 октября 2025 г.

академии, куда был зачислен в 1864 году благодаря незаурядным способностям и трудолюбию, академист Мансеветов заслужил искреннее уважение ректора академии протоиерея Александра Васильевича Горского († 1875). В талантливом ученике ректор увидел задатки той учености, которой блестал сам. Лишь лучшим студентам академии по назначению академического начальства предлагали для написания диссертации темы по догматическому богословию, а свою диссертацию Иван Данилович писал на тему «О грехе по учению Восточной Церкви». Помимо этого, Ивану Даниловичу, еще не покинувшему студенческую скамью, было предложено по окончании академии возглавить кафедру церковной археологии и литургики. Выпускная работа Ивана Даниловича была оценена девятью баллами из десяти,

при том что к написанию ее, по воспоминаниям профессора А. П. Лебедева, он отнесся как к необходимости, поскольку основные силы его ума были направлены на подготовку к основному предмету его будущих научных интересов — церковной археологии и литургии. Для того чтобы как можно полнее ознакомиться с предметом, в последние годы пребывания в академии Иван Данилович самостоятельно изучил ряд иностранных языков, необходимых для знакомства с источниками, важными для освоения учебной дисциплины. Он был постоянным посетителем Синодальной и Румянцевской библиотек. Почти все свободное от обязательных занятий время посвящал научным экскурсиям по древнейшим городам и уголкам нашего обширного Отечества с целью подготовки к будущей научной деятельности. Помимо святынь родной Москвы и близкого к ней древнего Владимира, посетил Великий Новгород, Херсонес Таврический с его памятниками апостольских времен и проехал весь Кавказ.

Время окончания Московской духовной академии совпало с периодом активного реформирования духовного образования в целом, и потому, приступая в октябре 1868 года к преподаванию церковной археологии, литургии и гомилетики, Иван Данилович был вынужден (имея к тому расположение и необходимые знания) создать такой учебный курс, которого до него не было. Шестнадцатого марта 1869 года в Москве открылся первый в России археологический съезд, участниками которого

от Московской духовной академии стали ординарный профессор П. С. Казанский и бакалавр И. Д. Мансветов. Участие в съезде не было формальностью, обсуждавшиеся проблемы нашли живой отклик в уме и сердце молодого преподавателя и выразились в активном творческом участии. В своем докладе по вопросу об архитектуре XII века в Суздальском княжестве Иван Данилович привел некоторые факты, противоречащие высказанному организатором съезда графом А. С. Уваровым мнению, что орнаментовка фасадов Дмитровского собора в Суздале является одним из признаков, свидетельствующих о романском влиянии на произведения церковного зодчества в Суздале и Владимире. Иван Данилович согласился, что этот род орнаментовки был «особенно употребителен в архитектуре романской... но не был исключительно принадлежностью романского стиля, а потому не может иметь решающего значения в данном вопросе»². Приводя примеры из исторических источников, монументальной живописи, книжной миниатюры византийской традиции, Иван Данилович дал ясное аргументированное представление о том, что константинопольские мастера знали и активно использовали сюжеты, напоминающие храмовые украшения Суздаля, заимствуя их у древнехристианских мастеров, а также культуры Востока. Ссылаясь на произведения церковного искусства Афонской Го-ры, сохранившей византийский дух, фрески Софийского собора в Киеве, построенного ромейскими зодчими, миниатюры из греческих рукописей, находившиеся в европейских и российских библиотеках, Иван Данилович показал, что «подобные образцы орнаментовки не были чужды христианского Востока и имеют в своем основании общие как для Византии, так и для Запада предания древнехристианского искусства, а употребление фигур вымыщенного свойства было несомненно сильнее в западном искусстве, чем в восточном, но эти формы все же нельзя исключать совершенно из области последнего и отрицать их самостоятельность»³. В конце своего выступления Иван Данилович прибавил, что не изучал данный вопрос вполне, и представил лишь данные ограниченного числа доступных ему источников.

С первых дней преподавательской деятельности началась и литературная деятельность Ивана Даниловича. Свои труды он публиковал, только когда был вполне уверен, что по выбранной теме не писал еще никто, и, принимаясь за написание статьи, больше всего опасался того, как бы в своих сочинениях не повторить уже сказанного и всем известного, «печатал только то, что было необходимо, имея в виду интересы науки, а не получение гонорара, поскольку знал, что только при таком серьезном отношении к печати можно принести пользу науке»⁴. Современники критиковали язык статей Ивана Даниловича, который считали «модным», однако многие отмечали его легкость и изящество, считая, что автор просто сблизил язык своей специальности с литературным языком того времени и этим оказал одну из важнейших услуг своей науке. Им были освещены самые интересные темы, которых с нетерпением ждала просвещенная публика.

Результатом участия во втором археологическом съезде, проходившем с 7 по 20 декабря 1871 года в Санкт-Петербурге, стала публикация в журнале «Православное обозрение» статьи «Об устройстве церковно-археологических музеев». Собрания памятников церковного искусства в их оригиналах или копиях должны, по мнению автора, стать наглядным пособием для изучения археологического курса в духовных учебных заведениях. Церковная археология воспринималась в таком широком значении, что заниматься изучением храмовой архитектуры, например, было невозможно без изучения богослужения, которое, в свою очередь, ставило на вид необходимость изучения истории появления богослужебной утвари, облачений священнослужителей, употребляемых богослужебных книг, икон, храмовой росписи и т. д. По этому поводу Иван Данилович говорил так:

Стоит прочесть литургические толкования древних восточных отцов, чтобы видеть, как тесно примыкают литургические формы восточного богослужения к системе внутреннего и внешнего устройства храма и как из этих архитектурных форм выясняется часто смысл и происхождение многих обрядов⁵.

Значение подобных учебных музейных собраний, по мнению Ивана Даниловича, весьма

велико и необходимо не только для будущих священнослужителей, но и для всего общества:

Существование таких собраний не только будет в значительной степени содействовать успеху курса русских церковных древностей, но отразится и на самом отношении общества к нашему историческому прошлому и его вековым памятникам, подвинет вперед самую их разработку. Ничем не поддерживается так прочно уважение и любовь к произведениям национальной древности, как их изучением, и ничто так не развивает вкуса к древностям и умения ценить их, как наглядное ознакомление с этими памятниками и распространение исторических знаний в самом обществе. Усиление курса русской истории и в гимназиях есть лучшее средство поддержать сочувствие к отечественным древностям в среде учащейся молодежи и образовать будущих деятелей на этом поприще⁶.

При жизни Ивана Даниловича Московская духовная академия не могла себе позволить подобного музея ввиду отсутствия помещения и средств на приобретение предметов, необходимых для его устройства. Однако неболь-

шое собрание икон в том же 1871 году все же было приобретено из собрания Синодальной библиотеки, что положило начало церковно-археологическому музею Московской духовной академии при библиотеке. Описанные Иваном Даниловичем концепция и план устройства музея были реализованы спустя почти 100 лет, в 1960-е годы, в Московской духовной академии протоиереем Алексием Остаповым († 1975) при устройстве Церковно-археологического кабинета — единственного церковно-музея в Советском Союзе и на сегодняшний день крупнейшего академического музея Русской Православной Церкви. Статья И. Д. Мансветова — это первый опыт практического осмысливания вопросов «для чего, как и по какому плану необходимо создавать церковно-археологический музей», она остается актуальной и сегодня.

В 1874–1875 годах Иван Данилович Мансветов перенес первый сильный приступ болезни, который заставил его провести в тяжелом болезненном состоянии целый год. Его жизнь тогда была спасена, но здоровье заметно ослабло. За это время из цветущего, свежего и крепкого здоровья он превратился, по воспоминаниям современников, в полустанца, хотя ему было только 32 года.

Однако, несмотря на проблемы со здоровьем, Иван Данилович продолжал по мере сил участвовать в научной жизни. Так, на годичном заседании Московского археологического общества 9 марта 1876 года он выступил с речью, посвященной памяти протоиерея Александра Васильевича Горского — своего учителя, ректора Московской духовной академии, почившего 11 (23) октября 1875 года. Говоря о трудах Горского, Иван Данилович наряду с другими заслугами профессора отметил, с какой тщательностью А. В. Горский изучал памятники древнерусской литературы, столь важные для характеристики быта и нравов Древней Руси. Ведь не одни исторические записи и вещественные памятники отражают быт народа, в значительной мере с народным бытом связан язык, поэтому большим трудом А. В. Горского был сборник слов и оборотов речи, в которых отражается и увековечивается эта связь. Памятники литературы, важные для характеристики быта и нравов Древней Руси, вошли в круг

Иерофей
Татарский, ученик
И. Д. Мансветова

исторических исследований Горского и придали последним глубокий археологический интерес. И словно продолжением деятельности незаввенного учителя, данью памяти и уважения его трудам является статья, написанная И. Д. Мансветовым в 1883 году и опубликованная в журнале «Православное обозрение» под названием «Русские народные картинки». Это комментарий к вышедшему в нескольких томах труду Д. Ровинского. В самом начале заметки И. Д. Мансветов обращает внимание на то, что народные, или лубочные, картинки первоначально представляли собой потешный листок или курьезную иллюстрацию, которая лишь позже «сделалась весьма ценным материалом для характеристики понятий вкуса... указателем духовной жизни русского люда и вошла в круг источников для знакомства с нею». Достаточно подробно Иван Данилович описывает труд Ровинского по систематизации этих картинок по темам и делает некоторый экскурс в историю появления гравюр на Руси. Оригиналы гравюр, как отмечает И. Д. Мансветов, шли к нам с Запада и были известны в народе под именем фряжских листов или потешных немецких печатных листов и в конце XVII века были официально запрещены. Однако этот запрет не имел практической силы, поэтому рассматривать народные картинки как исторический источник, свидетельствующий о быте русского народа, едва ли представляется возможным:

Лубочные картины и текст к ним у нас принято называть народными, но это не значит, чтобы они вышли из народа, передавали его взрения и заимствованы из содержания народной литературы. За немногим исключением эти произведения составляют перевод и переделку сказочной и шуточной литературы Запада, а народными могут быть названы по своему распространению и употреблению⁷.

По мнению И. Д. Мансветова, настоящий здоровый, бьющий в глаза своею правдою русский юмор сохранился в народной речи, в метком слове, а во времена петровской цензуры остался невысказанным из-за цензурного запрета, который лежал на всем, что касалось административных распоряжений высокопоставленных лиц, злоупотреблений чиновничества и до ничтожного минимума сокращал предмет сатиры. Вместо задевающих за

И. Д. Мансветов.
Фото 1880-х гг.

живое мотивов, лубочная карикатура пробавлялась сюжетами, взятыми изнерусского быта, или потешалась над смешными, затейными сценками донкихотских похождений, женского кокетства и супружеской неверности.

В заметке Иваном Даниловичем приведены примеры искаженной подачи через эти картинки образов русских былинных героев и конкретных сюжетов якобы русских сказок, заимствованные из западной литературы. Не умаляя заслуг составителя сборников Д. Ровинского, Иван Данилович предлагал критически подойти к оценке значения лубка для формирования представления о русской истории. В подходе к изучению своей научной специальности — церковной археологии и лингвистики — и к истории в целом Иван Данилович придерживался принципов исторической правды, стремился дойти до истоков, проследить

Памятник на могиле И. Д. Мансветова на Новодевичьем кладбище (ныне утрачен)

историю развития того или иного процесса, чтобы понять объективный ход истории. Искажение исторической правды было для него совершенно неприемлемо как для церковного историка, поскольку в истории он прежде всего пытался усмотреть пути Промысла Божия. Только такой подход давал возможность оставаться на твердой почве в то сложное время, когда волны искажающих историю и запутывающих умы простонародья идей готовили грядущий отрыв русского народа от его исторических корней и создание рая на земле без Бога.

В мае 1884 года обычная легкая простуда сильно подорвала организм Ивана Даниловича, он окончательно слег в постель, уехав на дачу под Москвой. В июне 1884 года Василий Осипович Ключевский в письме ректору Московской духовной академии писал: «Очень жаль, что И. Д. Мансветову нельзя ехать на археологический съезд. Если нет желающих предпринять эту поездку, я приму на себя поручение Академии, хотя и знаю, что буду плохим заместителем настоящего археолога. Не знаю, удастся ли мне до съезда собрать достаточно материала,

чтобы предпринять желательное активное участие в его занятиях. Впрочем, если здоровье И. Д. Мансветова поправится, я охотно передам ему свои полномочия». Однако дождливое лето 1884 года лишь больше ослабило физические силы профессора, и начало учебного года он провел на одре болезни, который и стал для него ученым кабинетом: на нем он закончил свой докторский труд, откорректировал и напечатал его, составил свою последнюю статью «О постах Православной Восточной Церкви», а также читал кандидатские сочинения студентов родной академии. Не станем утруждать внимание читателя перечислением всех тех многочисленных статей и трудов, которые были написаны Иваном Даниловичем, скажем только, что и по сей день в области литургики и истории православного богослужения труды Ивана Даниловича имеют высокую оценку среди специалистов, а рассеянные в дореволюционной периодической печати статьи по церковному искусству и оставшиеся в рукописях материалы еще ждут своего исследователя.

В октябре 1885 года врачи диагностировали у Ивана Даниловича хроническое воспаление правого легкого и вынудили провести осень 1885 года в Ялте, куда он отправился в середине ноября. Через месяц, 28 декабря 1885 года (16 декабря по ст. ст.), он скончался, не дожив 10 дней до своего 42-летия. Отпевали его в Ялте в соборном храме святителя Иоанна Златоуста, где служил впоследствии один из будущих новомучеников крымских протоиерей Димитрий Киранов. Интересен и тот факт, что день кончины Ивана Даниловича совпадает с празднованием Собора Крымских святых в наши дни. Это празднование было установлено 10 марта 1988 года по инициативе архиепископа Симферопольского и Крымского Леонтия (Гудимова, † 1992) по благословению Патриарха Пимена. День был выбран неслучайно: именно 28 декабря празднуется Церковью память святителя Стефана Сурожского, пострадавшего во времена иконоборчества от императора Льва Исавра. Еще одно важное «совпадение» — в этот же день Московская духовная академия особо чтит память священномученика Илариона (Троицкого), последнего ректора академии перед закрытием и выселением ее из стен Троице-Сергиевой лавры. Известно, что за два

дня до смерти (14 декабря по ст. ст. / 26 декабря по н. ст.) Иван Данилович был напутствован таинствами Покаяния и Причащения.

Пятого января (23 декабря по ст. ст.) тело Ивана Даниловича было привезено в Москву, где его с большой скорбью встречали учащиеся и преподаватели Московской духовной академии. На второй день Рождества Христова, 8 января / 26 декабря, т. е. в 42-й день своего рождения, Иван Данилович был погребен в московском Новодевичьем монастыре рядом с могилой своего родителя протоиерея Даниила Мансветова, у алтаря Амвросиевой церкви. Заупокойную литургию совершил ректор Московской духовной академии протоиерей Сергей Константинович Смирнов († 1889). В своем слове он отметил:

Лишь только Московская духовная академия получила для И. Д. Мансветова диплом на учennую степень, как вслед за ним явился почтальон с печальной вестью о его смерти. И вместо того, чтобы радоваться, все носили в сердце и на лице своем печать постигшей академию скорби. Вместо того, чтобы торжественно вручить ему диплом на учennую степень, Господь повелевает вложить в его десницу разрешительную молитву. Родные, близкие и сослуживцы — все выражали глубокую скорбь, узнав о смерти И. Д. Мансветова.

На земле Ивану Даниловичу не довелось насладиться славой от своих трудов: не пришлось даже увидеть свой диплом, свидетельствовавший о его высокой учености. Макариевской премии за свой главный труд — монографию «Церковный устав: его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви» — он был удостоен посмертно, и на денежную часть премии ему был установлен надгробный памятник.

Доцент Московской духовной академии Н. А. Заозерский (ученик Ивана Даниловича) в своем прощальном слове сказал:

...С какой-то роковою последовательностью смерть пожинает неожиданно именно тех, кто по человеческому суду и симптиям имел как бы преимущественное право на жизнь,

давно замечено, что именно на нашей русской духовной ниве смерть как на выбор жнет самые здоровые колосья, едва только они успеют располнеть, сорвать и обратить на себя восторженные взоры тех, кому дорога эта русская нива... Но тем рельефнее выступают из среды современников своих те немногие, которые не заглушают в себе этого призыва. Повинуясь этому внутреннему побуждению, они неуклонно идут своим путем к осуществлению своего идеала, не озираясь вспять и нимало не смущаясь тем, что их временное благополучие и тут и там несет непоправимый урон и что суд мира или света осудил их за их неумение жить. Великий труд и упорная борьба потребны для того, чтобы индивидуальный человеческий дух, пролагая этот свой особый путь чрез преграды рутины обезличивающего шаблона, побеждая искушения, воплотился наконец в строго определенный нравственный образ личности. Возгреваемая их жизнедеятельностью искра Божия неудержимо пробивается в роде человеческом и освещает его как дивный светоч, оздоравливает его, укрепляет нравственную немощь его целого как чудная соль земли... Вся жизнедеятельность твоя, досточтимый учитель, освещалась и согревалась этой Божественной искрою, и смерть застала тебя уже в тот момент, когда дух твой раскрылся во всем блеске своей силы и красоты.

*...Ты рано кончил путь земной,
Но все же полон образ твой:
Ты, сын науки, сын избранный,
Свой ум всю жизнь ей посвящал,
Плоды занятий завещал, —
И чтит она твой подвиг славный.*

Эти строки из стихотворения приват-доцента Московской духовной академии Иерофея Алексеевича Татарского написаны в память Ивана Даниловича Мансветова и были прочитаны автором в день погребения профессора.

**Наталья ГРИГОРЬЕВА,
магистр теологии, аспирант
Московской духовной академии**

¹ Лебедев А. П. Иван Данилович Мансветов (некролог) // Московские церковные ведомости. 1886. № 1. С. 10.

² Мансветов И. Д. По вопросу об архитектуре XII века в Сузdalском княжестве // Труды первого археологического съезда в Москве. Т. 1. 1871. С. 272.

³ Мансветов И. Д. По вопросу об архитектуре XII века в Сузdalском княжестве. С. 276.

⁴ Лебедев А. П. Иван Данилович Мансветов (некролог). С. 11.

⁵ Мансветов И. Д. Об устройстве церковно-археологических музеев // Православное обозрение. 1872, 2-е полугодие. С. 276.

⁶ Там же.

⁷ Мансветов И. Д. Русские народные картинки // Православное обозрение. 1883. № 4. С. 840.